

Шэнь Нянь не знал, почему она так сказала, но не стал спрашивать, лишь слегка кивнул:

— Слова бабушки внук запомнит.

Старая госпожа Шэнь закрыла глаза и махнула рукой, отпуская его.

Шэнь Нянь вышел из её двора и, случайно подняв голову, увидел, что на деревьях за стеной уже появляются зелёные почки. Он вдруг осознал, что весна уже пришла.

Шэнь Нянь медленно вернулся в свой двор. Из-за долгих лет на границе он не любил, чтобы люди находились рядом, всегда подозревая их в скрытых мотивах.

Когда он только вернулся, одна служанка хотела помочь ему переодеться, и он чуть не свернул ей шею, приняв за шпиона. С тех пор никто не подходил к нему близко, и поэтому двор казался особенно пустынным.

Однако вскоре двор оживился, так как императорские награды хлынули потоком.

Золото, серебро и драгоценности не считались, но особенно выделялась шкатулка с шестью жемчужинами ночного сияния.

Тот, кто принёс награды, был Жуань Цзицин. Другие не знали, но он точно помнил, что жемчужин было восемь. Император забрал две себе, сказав, что будет играть с ними в свободное время.

Другие не знали, но император явно не хотел отдавать их Шэнь Няню.

Жуань Цзицин не знал, что император задумал, но он точно понимал, что, как бы ни относился император, сейчас Шэнь Нянь был для него на первом месте.

Жуань Цзицин, улыбаясь, сказал Шэнь Няню:

— Маркиз, император велел передать вам, чтобы вы завтра не опоздали во дворец. В последние дни без вас император не мог спокойно спать.

Шэнь Нянь сохранял спокойное выражение лица. Теперь он считал, что старая госпожа Шэнь была права: милость императора ядовита. А Ци Цзюньму был ядом среди ядов.

Зная, что завтра он отправится во дворец, сегодня император внезапно устроил шум с наградами и заставил Жуань Цзицина публично произнести эти намёки. Разве это не говорило всем, что в этом споре между маркизом — усмирителем Севера и императором последний отступил, а маркиз одержал верх?

Для некоторых он, вероятно, действительно стал мятежником, который давит на императора.

Думая об этом, Шэнь Нянь медленно перевёл взгляд на лицо Жуань Цзицина и с едва заметной улыбкой сказал:

— Благодарю вас за то, что вы нашли время прийти. Указания императора я запомнил.

Жуань Цзицин протянул:

— О-о-о... — и подумал, что маркиз недоволен.

Неужели слухи правдивы, и маркиз — усмиритель Севера действительно поссорился с императором?

Те чиновники, которые ждали, чтобы посмеяться над Шэнь Нянем, увидев это, мысленно выругались.

Это был не признак опалы маркиза, а признак того, что он вознёсся на небеса.

Конечно, были и те, кто в ярости ругал Шэнь Няня дома, называя его человеком с волчьими амбициями и обещая рано или поздно написать на него жалобу.

Большинство же молчали, зная, что чем больше император так поступал, тем сильнее будет его расправа над Шэнь Нянем в будущем.

На следующий день Шэнь Нянь с тёмными кругами под глазами отправился во дворец. Первым делом он пошёл на аудиенцию к императору. Люди, которых он встречал по пути, хотя и не указывали на него пальцем, но все пытались разглядеть на его лице какие-то признаки.

На эти взгляды Шэнь Нянь не обращал внимания.

Войдя в Чертог Цяньхуа и поклонившись императору, Шэнь Нянь был оставлен в стороне. Ци Цзюньму сидел и внимательно читал доклады.

Шэнь Нянь простоял почти полчаса, прежде чем невольно пошевелил ногой.

Император поднял глаза, и в этот момент солнечный свет проник в зал. Его ясные черты лица под лучами солнца казались особенно красивыми, словно переливаясь.

Шэнь Нянь видел многих людей, особенно на границе с северными кочевниками, где было немало красавцев.

Красавицы Великой Ци были нежными и страстными, а красавцы северных кочевников — соблазнительными и дикими. Были и те, кто сочетал в себе нежность Великой Ци и соблазнительность кочевников.

Но в этот момент Шэнь Нянь решил, что все эти мужчины и женщины не могли сравниться с Ци Цзюньму.

Если бы император действительно любил мужчин, то, даже не учитывая его власть и статус, лишь из-за этой внешности к нему бы выстроилась очередь.

Внезапно осознав, что зашёл слишком далеко в своих мыслях, Шэнь Нянь слегка опустил глаза, чтобы скрыть свои размышления. Этот жест выглядел почтительно и не позволял другим понять, о чём он думал.

Но его кажущееся покорным поведение не обмануло императора. Ци Цзюньму прекрасно знал, что у людей вроде Шэнь Няня то, что на лице, и то, что в душе, — две большие разницы.

Поэтому он холодно фыркнул:

— Маркиз — усмиритель Севера, что ты хотел сказать?

За эти дни Шэнь Нянь научился понимать настроение императора по тому, как он его называет.

Если он говорил «Шэнь-цин», то это было формальностью, за которой скрывалась ловушка. Если он говорил «маркиз — усмиритель Севера», то это означало, что он был недоволен им.

Сейчас император говорил так резко, видимо, прошлый инцидент всё ещё не был забыт.

Какой же он обидчивый, подумал Шэнь Нянь.

Но на вопрос императора он, конечно, должен был ответить, поэтому искренне сказал:

— Ваше величество, я ничего не хотел сказать, просто стоял слишком долго, и ноги затекли. Я боялся упасть перед вами, поэтому пошевелился.

Ци Цзюньму снова холодно усмехнулся:

— Правда? А я думал, маркиз — усмиритель Севера хочет напомнить мне, что пора бы дать ему место.

Шэнь Нянь нахмурился и серьёзно сказал:

— Если император дарует мне место, сидеть станет для меня честью. Если император не даст места, то стоять — это мой долг. Я никогда не пожертвую долгом ради чести.

Услышав такие пафосные и искренние слова, Ци Цзюньму почувствовал лёгкое недоумение.

Помолчав, император громко позвал Жуань Цзицина и приказал дать маркизу место.

Шэнь Нянь, обладая толстой кожей, не стеснялся сесть, как только император позволил.

Усевшись, Ци Цзюньму снова опустил глаза на доклад, а Шэнь Нянь смотрел на него, размышляя, зачем император держит его здесь, если не хочет с ним говорить.

Ци Цзюньму читал доклад, присланный Астрономическим управлением, где были перечислены различные названия эпох и благоприятные моменты.

В прошлой жизни Ци Цзюньму выбрал название эпохи «Жэньцин», что означало «милосердие и радость».

В этой жизни он не хотел использовать это название. Человек уже не был тем, кем был раньше, и название эпохи тоже должно было измениться, иначе оно казалось несчастливым.

В прошлый раз, когда он сказал Шэнь Няню, чтобы тот тоже посмотрел на названия эпох, это не было пустой отговоркой.

Видя, как император сжал губы, словно столкнувшись с трудностью, Шэнь Нянь не удержался и спросил:

— Ваше величество, у вас возникли трудности?

Ци Цзюньму посмотрел на него с недовольством, а затем сказал:

— Это касается названия эпохи.

Он указал на доклад, предлагая Шэнь Няню взглянуть.

Шэнь Нянь не стал церемониться, встал и подошёл.

Названия эпох, присланные Астрономическим управлением, все были благоприятными. Он мог выбрать любое, и это было бы правильно.

Но Шэнь Нянь внимательно прочитал доклад, а затем улыбнулся:

— Ваше величество, я мало читал, не обладаю глубокими знаниями, но мне кажется, «Жэньцин» звучит хорошо.

Ци Цзюньму не ожидал, что он выберет именно это название, и не удержался от вопроса:

— Почему ты выбрал именно это?

Шэнь Нянь мог бы наговорить много красивых слов, но, подумав, он высказал самое прямое мнение:

— «Жэньцин» — это то, что милосердие императора приносит радость его подданным. Это хорошее значение.

Ци Цзюньму усмехнулся.

Он не знал, где здесь хорошее значение, ведь император с этим названием эпохи правил всего три года.

Шэнь Нянь не знал, какое его слово задело императора, но после его слов лицо Ци Цзюньму выражало явное презрение.

Маркиз — усмиритель Севера был озадачен и поспешил исправить ситуацию:

— Ваше величество, я не разбираюсь в этом, просто высказал своё мнение.

— Я считаю, что ты сказал очень хорошо. Название эпохи — это всего лишь название, какое бы ни было, всё равно, — Ци Цзюньму спокойно возразил, а затем взял кисть и обвёл красным кругом слова «Жэньцин».

Кисть была небрежно брошена на стол, и император сидел молча.

Шэнь Нянь украдкой посмотрел на императора, хотел что-то сказать, но не знал что.

Мысли императора были глубокими и тяжёлыми, но он не мог проникнуть в них.

Когда Ци Цзюньму уже собирался отпустить Шэнь Няня, Жуань Цзицин быстро вошёл в зал, держа в руках письмо.

Конверт был таким же, как и тот, что заставил императора изменить выражение лица в прошлый раз.

Шэнь Нянь догадывался, что письмо, вероятно, пришло из Цинчжоу.

Ци Цзюньму в этот момент проявил огромное доверие к Шэнь Няню, приказав Жуань Цзицину передать письмо и открыв его прямо перед маркизом.

<http://bllate.org/book/16626/1522207>